

Л. Г. Фризман (Харьков)

УДК 82.0

**“ДА ВЫ УМНЫ – СМЕКАЙТЕ САМИ”
(ПРЕДСМЕРТНЫЙ КРИК ДУШИ
Г. Ф. КВИТКИ-ОСНОВЬЯНЕНКО)**

Реферат. В статье анализируется последний текст, написанный Квиткой-Основьяненко перед смертью.

Ключевые слова: смерть, статья, текст.

Г. Ф. Квитка-Основьяненко скончался 8 (20) августа 1843 г. А шесть лет спустя в журнале «Москвитянин» появилась почти не замеченная ни тогда, ни позднее публикация, озаглавленная «Г. Ф. Квитка о своих сочинениях» с редакционной пометой: «Из оставшихся бумаг. Доставлено И. Ю. Бецким». Есть все основания считать, что это произведение, не имеющее авторского заглавия, – последнее, что было написано Квиткой. И. Бецкий – украинский литератор, издававший в 1843 г. вместе с Квиткой альманах «Молодик» и продолживший его издание в 1844-ом, поэтому факт, что именно у него оказались предсмертные рукописи писателя, вполне естествен. Несмотря на несомненную принадлежность Квитке, этот текст не только не попал в его собрания сочинений, включая и наиболее полное и авторитетное «Зібрання праць», выпущенное в конце 70-х – начале 80-х гг. издательством «Наукова думка», но и вообще не перепечатывался со времени первой публикации. Между тем время сделало его неким подобием завещания Квитки как в литературно-эстетическом, так и в этическом аспекте.

На первый взгляд может показаться, что в нём не прослеживается скрепляющей его идеи, а мы имеем дело с несколькими набросками, контаминированными публикатором. Но при более вдумчивом подходе становится ясно, что в действительности перед нами произведение, скреплённое единой мыслью и единой целью, и его продуманная композиция призвана послужить реализации этой цели.

Квитка дал нам ключ к правильному пониманию им сказанного. На протяжении относительно небольшой, восьмистраничной статьи он **ЧЕТЫРЕ РАЗА** повторяет один и тот же стих: “Да вы умны – смекайте сами”. Разумеется, он адресовался читателю, который знал, что это строка из назидательной поэтической миниатюры И. И. Дмитриева «Часовая стрелка», в которой легкомысленная минутная Стрелка хвалилась тем, что всеми руководит и всем означает время, в то время как главную роль играет стрелка часовая. Это был призыв в каждом случае, при подходе к каждому явлению не оставаться на поверхности, а идти вглубь, выяснять сущность, скрытые побудительные мотивы и ускользающие от поверхностного внимания результаты.

Последуем данному нам совету и “смекнём”, что стремился сказать Квитка своей статьей. Он говорил о том, что, принимаясь за перо, был очень далек от погони за успехом: “подражать не люблю и не хочу и потому не лезу за другими на литературные подмости”. Он всегда оставался верен себе: “Начал, продолжал и буду продолжать писать, как мне придется, как вздумается, что на мысль придет. Известности, похвал не искал и не забочусь приобрести их; охудения пропускаю мимо ушей, все-таки помня, что всем не угодишь и трудно заставить других мыслить по-нашему. Есть добрые люди, читают мои повести, хорошо; поймут цель, к чему что сказано, я утешен, а до прочего мне нужды мало” [3, с. 329].

Обратим внимание на слово “цель”, оно здесь главное, к объяснению целей, на которые были направлены его усилия, Квитка возвращался многократно, ибо забота о цели была в его глазах заботой о воспитательной функции литературы, о воздействии писателя на человека и общество, на господствующие в нем порядки и нравы. Десятилетием ранее, пересылая Погодину рукопись своего первого романа «Жизнь и по-

хождения Петра Пустолобова», он просил: “Итак, рассмотрев и посудив о моем *Петруше*, скажите чистосердечно: годится ли он явиться в число добрых людей по *цели* и стоит ли *она* того, чтобы озаботить кого выправкою и начисткою слог ...” [2, с. 128]. Слова “цель” и “она” выделены Квиткой, уже тогда стремившимся привлечь к ним первостепенное внимание. И сейчас, в этом предсмертном документе, Квитка с особой настойчивостью, более взволнованно и страстно, чем когда-либо в прошлом, подтверждает, что цель, поставленная перед собой писателем, для него всегда была и остается важнейшим критерием оценки произведения.

Задавшись целью продемонстрировать выразительные возможности украинского языка, он сделал это путем обращения к творческой практике. Сам писатель говорит об этом так: «Чтобы доказать одному неверующему что на малороссийском языке можно написать нежное, трогательное, я написал “Марусю”; просили напечатать ее. Чтобы остановить рецензентов толковать о незнакомом для них, я написал “Солдатский портрет” и, прибавив еще несколько повестей и преданий, пустил их в свет по сказанной причине под именем рассказов Основьяненка. Вслед за этим книгопродавец потребовал еще части: “требуют-де”. Изволь, батюшка, вот тебе и вторая часть. Что говорено о сих повестях, ещё не забыто; делалось недавно. А что повести, театральные пиесы печатаются вторым и третьим изданием, так это уверит гг. издателей “Рус <ского> вестника”, что они ошиблись в своем заключении, будто малороссийский язык доступен весьма немногим читателям. Зачем же в повестях, комедиях вводят его великорусские писатели?

Проезжает чрез наш город писатель, ценитель, судья, наставник и учитель истинного русского языка. Отыскал меня, потребовал переложить малороссийские мои рассказы слово в слово, не переменяя их, на *теперешний* русский язык, чтобы выставить особенные обороты, силу и оригинальность малороссийского языка. Я вручил ему целые тетради, написанные по его предположению. Без моей просьбы и настояния переложенные на русские слова рассказы печатаемы были в *Современнике*» [3, с. 330].

Далее Квитка вновь возвращается к вопросу, имеющему для него первостепенное значение, – о *цели* художествен-

ного произведения, о долге писателя оказывать благотворное воздействие на человека и общество. Он готов согласиться, что не все его вещи «написаны в одном духе и с одинаковой силою. Это участь человека. Не только мы, но и ученые, отличнейшие писатели не равны в своих сочинениях. Пишется, что бог на мысль послал, была бы цель нравственная, назидательная, а без этого как красно ни пиши, все вздор, хоть брось. Пиши о людях, видимых тобою, а не вымышляй характеров небывалых, неестественных, странных, диких, ужасных <...> Хотя бы и в “Маргарите Прокофьевне” неужели нет цели? Мне хотелось в одном ее лице показать действия, хитросплетенные умствования всех и во всем лицемерствующих; сего рода люди намерение свое – поживиться мало-толику от ближнего прикрывают благовидною причиною, обещают блаженство, спокойствие, утеху, получение отличных книг, и сё и то ... и все обещают в будущем, а денег требуют теперь же. Вот и встречаем Маргарит везде. Так в “Столбикове”. “Халявском” и в каждой моей повести, где расчеты сзади (?)¹ не входят, я старался показать цель, для чего и почему пишу; удалось ли, не мое дело судить. Сравнить Столбикова с Совестдралом и другими известными гг. издателям “Рус<ского> вестника” похождениями, потому что и Столбикова похождения?... Ох, Господи Боже мой! А на цель-то вы, гг., и не взглянули?» [3. с. 333].

Очень значимо то, что говорит Квитка о выборе объектов изображения в его повестях и почему он тяготеет к описанию не иностранного, а отечественного быта, не старины, а происходившего на его глазах, не “высшего круга”, а “простого класса людей”. “Заграничных людей в свои повести не беру, излагать и объяснять старину не пускаюся: я не жил тогда. А пишу, что встретится мне. В высшем кругу единообразие, утонченность, благоприличие, высокие чувства, там живут, действуют, и они свойственны людям, составляющим его, по воспитанию и по понятиям; нет пищи для замечаний, наблюдений, нечего выставлять всем видимое и всем известное. Вот в простом классе людей необразованном, где люди действуют

¹ Вопросительный знак поставлен публикатором, который, по-видимому, не был уверен в правильном прочтении предыдущего слова.

не по внушенным им правилам, не по вложенным в них понятиям, а по собственному чувству, уму, рассудку, если замечу что такое, пишу; вот и выходят мои Маруси, Оксаны, Наумы, Мироны, Сотниковны, и проч. и проч.» [3, с. 333–334].

Как уже говорилось, статья, опубликованная в «Москвитяине», не привлекала к себе внимания на протяжении почти полутора веков. Лишь в 1988 г. авторы коллективного труда «История украинской литературной критики», словно прозрев, дали наконец этому произведению давно заслуженную им оценку: «Наиболее систематичным и глубоким изложением литературного “верую” Квитки-Основьяненко, его взглядов на актуальные проблемы литературного процесса стала опубликованная в журнале “Русский вестник” статья под названием “Г. Ф. Квитка о своих сочинениях”» (1, с. 57–58).

Не будем фиксировать внимание на фактической неточности – опубликовании указанного материала не в «Русском вестнике», а в «Москвитяине». Важнее другое: содержание и значение статьи Квитки недооценены и обужены и здесь. По нашему убеждению, недальновидно усмотреть в этом многостороннем, можно сказать, исповедальном документе, предсмертном крике души писателя лишь суждения о литературе и требования к художественным произведениям. Они о людях, о жизни, о морали. За ними перед нами встает сам Квитка во всей определённости и красоте его нравственного облика. Он воздействует на нас не только своими произведениями, но и тем, каким он был, как прошёл свой жизненный путь.

Через 15 лет после смерти Квитки Добролюбов в статье о его современнике Н. В. Станкевиче напомнил, как благотворно действует на окружающих “вид человека, высоко стоящего в нравственном и умственном отношении”. Квитка и Станкевич не были похожи друг на друга, но оба они соответствовали добролюбовской характеристике. Квитка был человеком своего времени, и нам сегодня, может быть, и найдется, в чём его упрекнуть. Но его нравственный уровень, проникновенная доброта и благородство его побуждений подтверждены и всей его жизнью и всем его творчеством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Історія української літературної критики. Дожовтневий період. Київ: Наукова думка, 1988.
2. Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Твори, К., 1970.
3. Москвитянин, 1849, ч. VI, № 20, кн. 2, с. 327–334.

Фрізман Л. Г.

**“ДА ВЫ УМНЫ – СМЕКАЙТЕ САМИ”
(ПЕРЕДСМЕРТНИЙ КРИК ДУШИ Г. Ф. КВИТКИ-
ОСНОВ'ЯНЕНКО)**

У статті аналізується останній текст, написаний Квіткою-Основ'яненко перед смертю. (Філологічні дослідження, вип. 15, 2016, с. 123–128).

Ключові слова: смерть, стаття, текст.

Frizman L. G.

**“BUT YOU ARE SMART – SEE YOURSELF” (DYING CRY
OF SOUL G. F. KVITKA-OSNOVYANENKO’S)**

The article focuses on analyzing Kvitka-Osnovyanenko’s last text, which was written shortly before his death. (Philological researches, ed. 15, 2016, p. 123–128).

Keywords: article, death, text.